

ОБ АВТОРСТВЕ И ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РУКОПИСИ «ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ КРУЖКА «ЧАЙКОВЦЕВ»»

К. Г. ЛЯШЕНКО

В 1877 г. участниками «процесса 193-х» была сделана первая попытка осветить историю своей деятельности в задуманном с этой целью специальном сборнике, важнейшей частью которого, судя по отобранной у М. Д. Муравского в Доме предварительного заключения его программе, должен был быть очерк о деятельности народников до 1875 г.

Некоторые из заключенных-народников попытались тогда же написать свои воспоминания, например, А. О. Лукашевич — «Нечто из попыточной практики», Д. М. Рогачев — «Исповедь к друзьям», автобиографические заметки (С. С. Синегуб, И. Н. Мышкин) ¹.

Потребность создания такого сборника вызывалась у участников «процесса 193-х», с одной стороны, необходимостью осмыслить свою деятельность, сделать из нее определенные выводы, учесть допущенные ошибки; с другой, — разоблачить те гнусные из-

¹ Б. Итенберг. Дмитрий Рогачев, революционер-народник, М., 1960, стр. 72.

мышления относительно их идей и деятельности, которые выдвигались в обвинительном акте. Они также стремились ознакомить со своей деятельностью и идеями лучшую часть молодежи, которая могла вступить на революционный путь и продолжить их борьбу².

К сожалению, задуманный труд не был осуществлен, а весь подготовительный материал попал в руки жандармов.

Неоконченная рукопись без автора и общего названия из фонда С. М. Кравчинского (ЦГАЛИ), опубликованная в I томе «Революционное народничество семидесятых годов XIX в.» и озаглавленная составителями «Очерк по истории кружка «чайковцев»³, является, несомненно, еще одной в какой-то степени осуществленной попыткой изложить историю революционного движения первой половины 70-х годов в России.

Из источников, введенных в научный оборот в последнее время по истории народничества, указанная рукопись представляет, несомненно, значительный интерес, так как существенно дополняет и уточняет сведения мемуарной литературы о студенческом движении в Петербурге в 1869—1870 годах и начальном периоде кружка «чайковцев»⁴. Рукопись уже использовалась в некоторых работах исследователей⁵ и, конечно, будет широко использоваться в дальнейшем.

Поэтому, разумеется, небезынтересен вопрос об авторе, времени и истории ее создания. Важно и то, был ли автор участником событий, которые он взялся теперь описывать как историк, какими источниками он пользовался.

Проведенное изучение почерка рукописи (а это черновик) позволяет заключить, что 8 начальных строк введения и его заключение, текст II, III, конец IV глав, комментарий к ним, многочисленные правки текста рукописи сделаны рукой одного лица — Николая Александровича Морозова. Вопросы на полях, большей частью карандашом, также написаны рукой Морозова⁶. Текст введения, I и начало IV глав написан рукой переписчика, который не вникал в содержание текста, о чем свидетельствуют явные искажения слов, пропуски в тексте, вписанные затем Морозовым.

Но когда же и в связи с чем занимался подобной работой Н. А. Морозов? В каких источниках имеются подтверждающие этот факт сведения?

Единственным источником для разрешения этих вопросов является обширная переписка Морозова с различными корреспондентами за период пребывания его за границей в 1880 г., хранящаяся в фондах П. Л. Лаврова⁷, Н. В. Чайковского⁸ и коллекции отдельных документов личного происхождения⁹. Она восполняет тот пробел, который имеется в воспоминаниях Морозова, доведенных до октября 1879 г.¹⁰, и достаточно полно и всесторонне характеризует деятельность и взгляды Н. А. Морозова в период пребывания его за границей. Из нее мы узнаем, что Морозов в это время работал над историей революционного движения в России 1869—1875 гг.

² «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 215.

³ «Революционное народничество семидесятых годов XIX в.», т. I, 1870—1875 гг., М., 1964, стр. 202—240.

⁴ См. И. Е. Деникер. Воспоминания. «Каторга и ссылка», 1924, № 4 (11), стр. 23—36; Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. 1—2, М., 1926; С. С. Синегуб. Записки чайковца, М.—Л., 1929; А. И. Корнилова-Мороз. Перовская и кружок чайковцев, М., 1929 и др.

⁵ См. Н. А. Троицкий. О первой программе революционного народничества 1870-х годов. «Вопросы истории», 1961, № 6, стр. 208—210; Его же. Большое общество пропаганды 1871—1874 гг. (так называемые «чайковцы»). «История СССР», 1962, № 5, стр. 74—91; Р. В. Филиппов. Идеология большого общества пропаганды (1869—1874), Петрозаводск, 1963. Ни один из исследователей не высказал предположения по поводу авторства используемой рукописи.

⁶ Результаты экспертизы, проведенной в Московской научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз, полностью подтверждают эти наблюдения (Экспертиза № 236/А от 25 февраля 1965 г.).

⁷ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317. Переписка Морозова была переслана О. С. Любатович П. Л. Лаврову в Париж в феврале или марте 1881 г. перед ее отъездом в Россию (МО архива АН СССР, ф. 543, оп. 2, д. 57, л. 1).

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5805, оп. 2, д. 197.

⁹ Там же, ф. 1463, оп. 2, д. 1334. Письма Морозова сюда попали из фонда С. М. Кравчинского, при передаче его из ЦПА ИМЛ в ЦГАЛИ.

¹⁰ См. Н. А. Морозов. Повести моей жизни, тт. I, II, М., 1961.

В письме к П. Л. Лаврову от 27 мая 1880 г. Морозов сообщал об этом следующим образом: «История движения 73—75 гг. была задумана не исключительно мною одним. Недостаток в ней ощущается почти всеми в России, и некоторые из моих товарищей поручили мне написать ее во время пребывания за границей»¹¹.

Здесь невольно приходит мысль о том, что Морозов, берясь за эту работу, выполнял и заветы своих товарищей по «процессу 193-х», томившихся в тюрьмах и на каторге.

Ведь когда в 1877 г. у них возникла мысль создать сборник, Морозов находился среди них и, конечно, знал об их намерениях, хотя нам неизвестно, как он участвовал в их осуществлении.

Разъясняя цели и задачи предпринимаемой им работы, Н. А. Морозов писал в том же письме к П. Л. Лаврову: «История будет произведением нефракционным... цель ее просто представить верную картину мнений, жизни и деятельности этого периода, для того, чтобы последующие деятели знали свое прошлое и могли воспользоваться его указаниями и уроками»¹².

Приступая к написанию истории, Морозов должен был заняться основательным сбором материалов, которые служили бы ему источниками для освещения событий до 1874 г., так как сам он не был их участником.

Так, отвечая на приглашение П. Н. Ткачева участвовать в задуманной последним в это же время «История социально-революционной партии в России», Н. А. Морозов писал: «Сведения мои относятся гл[авным] обр[азом] только к дв[ижению] 74 и с весны 78 до отъезда из России (февраль 1880 г.), за последний период я действительно знаю внутреннюю сторону движения во всех мелочах, хотя, к сожалению, значительная часть моих сведений еще не подлежит публикации»¹³.

Поэтому Морозов обратился к революционерам, проживавшим за границей, с просьбой представить ему материал для его «Истории». В числе первых, откликнувшихся на его призыв, были М. Р. Ланганс, Н. П. Цакни, С. М. Кравчинский, Е. Левенталь, Л. В. Попов¹⁴.

Сохранившиеся ответные письма эмигрантов-революционеров Морозову свидетельствуют о том, что он обращался также с предложением написать воспоминания или сообщить известные сведения к З. К. Ралли-Арборе (о нечаевском процессе) и Айвазову (о кавказско-московском кружке), к К. В. Аркадакскому (о московских кружках и типографии Мышкина), к А. Ф. Таксису, к Л. С. Гинзбургу (о лавристах и «Вперед»), к Н. В. Чайковскому, С. Л. Клячко, Н. К. Судзиловскому¹⁵.

Таким образом, Морозов хотел осветить в «Истории» деятельность не только кружка «чайковцев», но и других народнических кружков в Петербурге и Москве, на юге России, а также деятельность революционной эмиграции и заграничных кружков. Материалы о последних Морозов надеялся получить также от П. Л. Лаврова: «Вас самих, Петр Лаврович, я просил бы доставить мне историю Вашего побега из ссылки (когда, как, с помощью кого и т. д.) и все, что Вы помните из заграничных дел (цюрихских и т. д.) до 1875 г., так как история эмиграции этого времени неразрывно

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317, л. 1об. Вероятно, Н. А. Морозов пытался начать работу над «Историей» еще до своего отъезда за границу. Так, в своих неопубликованных воспоминаниях «Размышления перед старинными письмами» (1934 г.) Морозов, комментируя письмо Л. А. Тихомирова к нему от 13 мая 1880 г., содержащее упоминание о бумагах, вернее архиве Морозова, оставленном в России, отмечает: «Дело в том, что там, кроме моих стихов, были наброски «Истории революционного движения в России в 70-х годах», которые я хотел пополнить за границей воспоминаниями эмигрантов и статьями «Вперед» и других эмигрантских журналов» (МО архива Академии наук СССР, ф. 543, оп. 2, д. 57, л. 21об).

¹² ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317, л. 1. В черновике письма к Лаврову это звучало несколько иначе: «Цель ее просто воспроизведение верной картины жизни, мнений и деятельности этого интерес[ного] периода, для того, чтобы послед[ующие] деятели знали прошлое своей партии и не бросались, как теперь, от бунтарства к конституционализму, от анархизма к якобинству, от терроризма к земск[ому] собору и т. д.» (Там же, д. 604, лл. 65—66).

¹³ Там же, ф. 1762, оп. 4, д. 604, л. 72об.

¹⁴ Там же, д. 317, л. 1об.

¹⁵ Там же, д. 581, 603.

связана с историей русского движения и без нее последняя была бы во многом неясна и не полна. «Припомните, что несколько из наиболее видных кружков получили начало здесь: московские пропагандисты, кружок Жебунова, «лавристы» (под этим названием был известен в России кружок, стоявший за научную подготовку для деятельности в народе и распространявший «Вперед»), кстати, скажите, как *сам* этот кружок называл себя? Это название, которое дали ему другие кружки»¹⁶.

Основными требованиями, которые ставил перед собой Морозов при работе над «Историей», были полнота и точность освещаемых событий, объективность их изложения: «Чтобы «История» была верным отражением действительности, а не фракционным измышлением, я думаю каждую часть ее, до напечатания, отдавать гектографическими оттисками для просмотра всем, кто доставлял в нее сведения; это я нахожу тем более необходимым, что в предисловии к книге я думаю упомянуть фамилии всех, кто оказал мне какое-нибудь содействие. За этим содействием я обращался и буду обращаться к людям всех фракций»¹⁷.

Очевидно, первый набросок начальных глав был отгектографирован автором. Среди черновых писем Морозова сохранился один отгектографированный (с рукописи Морозова) листок из этого текста, который он использовал как черновик для письма к Аксельроду от 30 июня 1880 г.¹⁸ Следовательно, закончить первый вариант нескольких первых глав Морозов успел уже к июню 1880 г.

Текст этого единственного листка относится к истории кружка «чайковцев» 1870—1872 гг., сведения изложены по сравнению с соответствующими местами опубликованной рукописи значительно более скупое, не хватает целого ряда важных фактов, которые появляются в известной нам рукописи.

По всей вероятности, это была рабочая основа его «Истории», ее беглый набросок, о чем свидетельствуют включенные прямо в текст вопросы, связанные с уточнением дат, содержанием описываемых событий. Она была сделана тогда, когда у Морозова еще, видимо, отсутствовали основные источники.

В июле-августе Морозов продолжал работу над рукописью, и прежде всего над первыми главами, посвященными петербургским студенческим кружкам 1869—1870 гг. и «чайковцам», при содействии, как он сам отмечает, «Чайковского, Цакни, Сер[гея] и др.»¹⁹. Так возник более полный текст известной нам рукописи.

Несомненно, Морозовым были основательно использованы во II—IV главах «Истории» написанные по его просьбе воспоминания Н. В. Чайковского, не дошедшие до нас. В письме от 10 июля 1880 г. Морозов сообщал Чайковскому: «Ваши воспоминания войдут в «Историю» почти целиком. Я позволил вычеркнуть только два небольших места и переделал кой-где слог для единообразия с последующим изложением»²⁰.

Однако неверно было бы считать, что работа Морозова после сбора необходимых материалов заключалась только в механическом сведении их воедино.

Сохранившийся черновой текст рукописи с многочисленными правками, дополнениями, вставками позволяет проследить ход работы Морозова, носившей не только редакционный, но в большей степени исследовательский характер. Так, Морозов работал над последовательностью изложения материалов, стремился четко выделить темы глав и их подразделы, его не всегда удовлетворяли полнота изложения, точность, датировка, объяснение причин того или иного факта, состав участников кружков, перечень литературы, распространявшейся «чайковцами», и другие сведения, которые сообщались в представленных ему мемуарах. Отсюда происхождение вопросов на полях рукописи, записанных Морозовым, с которыми он затем обращался к авторам мемуаров²¹. Ряд фактов, упоминаемых в рукописи, он комментировал. Все это свидетельствует о значительной творческой работе самого Морозова.

Еще в конце мая 1880 г. Морозов согласился напечатать свою «Историю» в «Русской социально-революционной библиотеке» (РСРБ). В объявлении «об издании Рус-

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317, лл. 5 и об.

¹⁷ Там же, л. 2.

¹⁸ Там же, д. 604, л. 55.

¹⁹ Там же, л. 59.

²⁰ Там же, ф. 5805, оп. 2, д. 197, л. 1 и об.

²¹ См., напр., его письмо Н. В. Чайковскому от 5 октября 1880 г. (там же, лл. 3 и об.)

ской социально-революционной библиотеки» (Женева, конец 1880 г.) действительно сообщалось о ближайшем выходе среди ее изданий и «Истории социалистического движения в России за 1873—1875 гг.» Николая Морозова²².

В конце августа Морозов предполагал напечатать свою работу отдельными выпусками, так как считал ее в целом еще незаконченной, хотя О. Любатович в конспиративном письме от 26 августа 1880 г. в Петербурге Г. Гельфман сообщала как о решенном факте о том, что «редакцией революционной библиотеки начата уже печататься истор[ия] рус[ского] революц[ионного] движения, написанная Николаем»²³.

Однако Морозов, чувствуя неполноту написанных глав и незавершенность своей работы, очень колебался, давая согласие на ее печатание.

«Я хотя и согласен,— писал он Лаврову,— печатать по выпускам свою книгу, но делаю это с большим сожалением, потому что не буду в состоянии дополнить 1-й выпуск материалами, которые получатся после его напечатания»²⁴.

Но против печатания в таком виде работы Морозова стал возражать кассир издательства В. М. Пашенко, считавший «возможным выпустить в свет первый выпуск его работы лишь в том случае, когда основная мысль целого произведения будет им изложена редакционной комиссией, будет дана программа всей работы и будет предоставлена для прочтения рукопись первого выпуска». То, что Морозов не мог предоставить свое произведение для ознакомления членам редакционной комиссии перед печатанием, рассматривалось Пашенко как нарушение одного из пунктов внутренних распоряжений редакционной комиссии²⁵.

В это время у Романенко и Лаврова возникла мысль перевести и издать в РСРБ книгу Шэфле «Квинтэссенция социализма», и Морозов отложил печатание своей работы.

Когда же в сентябре встал вновь вопрос об издании книги Морозова, он снова отклонил это предложение, заявив категорически Лаврову: «Печатание моей «Истории» в настоящую минуту я считаю невозможным, потому что Судзиловский и Гинзбург обещали мне на днях выслать свои воспоминания. Раньше получения их я не считаю себя даже вправе начать печатание. Я, таким образом, впал бы в добровольную ответственность. Очень прошу Вас и Таксиса прислать поскорее обещанные материалы. Я боюсь, как бы «История» не задержала меня за границей более, чем я желал бы. Как только допишу последнюю ее строку — немедленно уеду»²⁶.

Отсутствие необходимых материалов задерживало завершение работы Морозова. 5 октября 1880 г. он снова напоминал Лаврову: «...Я все жду, Петр Лаврович, исполнения Вашего и Таксиса обещания относительно материалов для «Истории 1869—75 гг.»²⁷.

28 октября 1880 г. Морозов сообщал: «История движения 69—76 гг. подвигалась вперед это время очень плохо. Ольга больна, да и мне что-то нездоровится»²⁸.

В письмах Морозова, относящихся к декабрю 1880 г. и январю 1881 г., уже не встречается каких-либо упоминаний об «Истории». В конце января 1881 г. Морозов выезжает из Женевы в Россию, так и не завершив своей работы.

Воплощению в жизнь интересных замыслов Морозова, очевидно, помешало не только отсутствие нужных материалов, но и то, что за границей в этот период он отдался разнообразной интенсивной деятельности: достаточно вспомнить, что в это время Морозов предполагал организовать специальный печатный орган для обоснования теории террора; вошел в редакционную комиссию Русской социально-революционной библиотеки, собирался участвовать в журнале с программой, близкой к программе «Земли и воли», затеваемом Аксельродом, Плехановым, Кравчинским, Засулич; вел переговоры с «Обществом народного освобождения», в этот период он также подготовил и выпустил брошюру «Террористическая борьба» и сборник «Стихотворения», участвовал в качестве секретаря и кассира в «Обществе пособия политическим изгнанным».

²² «Былое», вып. 1, Ростов-на-Дону, 1906, стр. 174.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 1463, оп. 2, д. 1334, л. 101об.

²⁴ Там же, ф. 1762, оп. 4, д. 317, л. 15об.

²⁵ Там же, оп. 4, д. 350, лл. 19—20.

²⁶ Там же, д. 317, л. 25об.

²⁷ Там же, л. 30.

²⁸ Там же, л. 37об.

кам из России» и т. д.²⁹ Все это не могло не отвлекать его от систематической работы над «Историей».

Материалы, собранные для «Истории», равно как и сама рукопись, были оставлены Морозовым за границей.

Дальнейшую судьбу «Морозовского архива» можно представить из письма В. К. Дебагория-Мокриевича от сентября 1926 г. в редакцию журнала «Голос минувшего» на чужой стороне: «Мне не известно, у кого первоначально сохранялся этот «Морозовский архив», но когда я приехал в 1886 г. в Женеву, архив находился уже в Париже у Льва Тихомирова».

В 1889 г. «Морозовский архив» был передан в весьма неудовлетворительном состоянии Л. Тихомировым Дебагорию-Мокриевичу через ставшего впоследствии провокатором Ляндезена. «Что же, однако, это был за архив,— пишет В. К. Дебагорий-Мокриевич,— привезенный Ляндезеном от Тихомирова мне? Что он представлял собою? А это была попросту беспорядочная куча разного формата исписанных листков бумаги, разрозненных писем (припоминаю два незначительных письма Софьи Перовской), какие-то обрывки чего-то без начала и конца, стихотворения и т. п. Во всей этой куче полускомжанной бумаги лучше других сбереглись две-три рукописи, из которых одна принадлежала Лукашевичу (его воспоминания о хождении в народ), другая — Лангансу, да и то с утерянным концом. Чтобы довести «архив» до подобного состояния — мало было одной небрежности,— нужна была злая воля. Уезжая из Женевы в Болгарию, архив (если можно было только назвать тот хлам «архивом») я передал Эсперу Серебрякову, причем мною удержана была рукопись М. Ланганса, которую я и сохранил у себя до настоящего времени»³⁰. Рукопись первых глав работы Морозова попала к С. М. Кравчинскому, в фонде которого и сохранилась.

Таким образом, опубликованный в первом томе сборника «Революционное народничество 70-х гг. XIX в.» «Очерк по истории кружка «чайковцев»» (1869—1872 гг.) представляет собой начальные главы незавершенной работы Н. А. Морозова «История социалистического движения в России за 1873—1875 гг.», над которой он работал, выехав за границу в 1880 г. Для написания этих глав Морозов использовал данные, представленные ему Чайковским, Кравчинским, Цакни, Поповым и др.

О планах создания Морозовым такой работы имеются упоминания в некоторых биографических очерках о нем, но до сих пор не было известно о том, в какой степени они были осуществлены. Эта работа не числилась в списках его произведений. Поэтому установление авторства этой рукописи имеет определенный интерес и для биографов Н. А. Морозова, которые смогут теперь назвать Н. А. Морозова одним из первых историков революционного народничества 70-х годов XIX в.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1762, оп. 4, д. 317. См. также биографию Морозова в «Биографическом словаре деятелей революционного движения в России 80-х годов» (ф. 533, оп. 1, д. 1240, л. 105об.); Л. Круковская. Н. А. Морозов. Очерк из жизни и деятельности, П., 1920, стр. 34—36; К. Морозова. Николай Александрович Морозов. К 90-летию со дня рождения, М.—Л., 1944, стр. 20—21.

³⁰ ЦГАОР СССР, Коллекция, д. 5, л. л. 1—2об.